
Н. Б. Кошкарева, Е. В. Кашкин, Н. А. Муравьев, О. А. Казакевич,
Ю. Б. Коряков, С. И. Буркова, Д. А. Столяров, Е. М. Будянская

САМОДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ И ИХ СОСЕДИ: ОПЫТ АРЕАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АО

В докладе обсуждаются принципы составления лингвистических карт в «Диалектологическом атласе уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа», а также теоретические и описательные задачи, решение которых становится возможным на материале данного атласа.

В атласе, разработка которого завершается в настоящее время, представлены карты, на которые нанесена информация о двух самодийских (ненецкий, селькупский) и двух финно-угорских (коми-зырянский, хантыйский) языках в пределах ЯНАО, а также словарные базы данных по указанным языкам. Материалы атласа отражают специфическую социолингвистическую ситуацию, которая сложилась на территории округа. В то время как ареальные контакты в различных частях Сибири обсуждаются достаточно широко (см. в частности [Аникин, Хелимский 2007; Казакевич 2005; 2010; Кузнецова 2005; 2007; Grenoble 2007, 2012; Siegl 2012, 2015]), контактирование между самодийскими и финно-угорскими языками ЯНАО до настоящего времени не было исследовано исчерпывающе (ср. довольно фрагментарные сведения в [Сорвачева 1960; Игушев 1976; Туркин 1985]).

Длительное время сопредельных территориях проживают носители хантыйского, ненецкого и селькупского языков, контактирующие только в определенных пограничных областях и поэтому сохраняющие свое своеобразие при наличии отдельных заимствованных элементов. Зона селькупского языка (его северного наречия) расположена на востоке ЯНАО и продолжается на территории Туруханского района Красноярского края. На севере селькупский контактирует с тундровым ненецким, на западе — с ненецким лесным, на юго-западе — с ваховским диалектом хантыйского языка, причем селькупско-хантыйские контакты в свое время были гораздо интенсивнее, чем селькупско-ненецкие. Коми-зырянский язык, как язык пришлого населения, дисперсно проживающего в разных контактных зонах с хантами и ненцами, характеризуется наибольшим количеством инновационных черт, уникальных для разных контактных зон. Ненецкий язык в данном регионе занимает наиболее сильную позицию и является источником заимствований во все другие языки. При этом происходит не только непосредственное заимствование лексических единиц (к которому было обращено основное внимание в работах предшественников), но и заимствование системы лексических значений, которая перестраивается в исконных словах по образцу семантической модели, присущей ненецким лексемам.

Примером прямого заимствования широкого пласта лексики является олениводческая терминология (названия разновидностей оленей по полу, возрасту, масти, типы нарт, упряжи и пр. (см. [Онина 2003] и релевантные примеры из [Сорвачева 1960]), освоенная хантами, коми-зырянами и частично селькупскими вместе с олениводством.

На примере терминологии родства показано различие в подсистемах кровного и приобретенного родства, а также инновационные процессы в контактных зонах. Так, в хантыйском языке система противопоставления кровных родственников по роду отца и матери устойчиво прослеживается вплоть до поколения «дедушек» и «бабушек», однако в приуральском диалекте, находящемся в контактной зоне с ненецким языком, это противопоставление утрачивается: для понятия «бабушка» используется заимствованное из ненецкого языка слово *хада*, которое употребляется независимо от того, к какой линии — отцовской или материнской — принадлежит данный родственник. Системные оппозиции начинают меняться под влиянием ненецкого языка, которому такой тип противопоставлений не свойствен. Коми-зырянский язык в этом отношении отличается уникальной перестройкой системы терминов приобретенного родства: вместо исконных лексем *верес* 'муж' и *гöтыр* 'жена' в говорах ЯНАО используются русские заимствования *мужык* и *баба* а в зонах, контактных с ненецким языком, активно используются и лексемы *ёрт* 'друг, товарищ' и *тарик / таруха* (из рус. *старик / старуха*), развивающие характерные для ненецкого языка модели полисемии.

Еще один пример заимствования ненецкой модели лексических оппозиций представлен в признаковом поле 'скользящий' — 'гладкий' — 'ровный'. В приуральском хантыйском (наиболее подробно данное поле изучено при работе с носителями, проживающими в с. Белоярск) лексема *wól'эк*, являющаяся в более южных говорах доминантным средством описания скользких поверхностей, сужается в обозначение только тех скользких поверхностей, которые покрыты льдом — симметрично ненецкому *салт*". В свою очередь, доминантной лексемой для скользких поверхностей в приуральском хантыйском является глагол *ñästi*, отсутствующий в более южных говорах и в данном случае представляющий семантическую и морфосинтаксическую параллель к ненецкому глаголу *ñсадёрць* 'скользить, быть скользким' (о любых скользких поверхностях). Гладкие (на ощупь) и ровные (для зрительного восприятия) поверхности в приуральском хантыйском лексически объединяются (прилагательное *pajli*) — так же, как они объединяются в ненецком языке (прилагательное *салмуй*). В южных же говорах, не контактирующих с ненецким языком, лексема *pajli* связывается преимущественно со зрительно воспринимаемыми поверхностями (будучи, кроме того, морфологическим каритивом от существительного *paj* 'бугор, куча', описывающего заметные на глаз неровности).

Таким образом, в данном лингвистическом ареале позиция тундрового ненецкого языка является доминирующей. Отмечены случаи заимствования системных признаков из ненецкого языка в контактные финно-угорские языки. Однако обратное воздействие — например, хантыйского на ненецкий — отмечено для лесного диалекта ненецкого языка прежде всего в зоне озера Нумто, на границе с Ханты-Мансийским округом — Югрой, где преобладает хантыйское население и в языке лесных ненцев происходит перестройка грамматической системы (утрачиваются гортанные смычные, родительный и винительный падежи, которых нет в падежной системе хантыйского языка). Соответственно, тундровый ненецкий на севере Ямало-Ненецкого округа и лесной ненецкий на сопредельных территориях находятся в разном положении, что обусловлено разными ареальными контактами.

Л и т е р а т у р а

- Аникин А. Е., Хелимский Е. А. Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. М., 2007.
Игушев Е. А. К вопросу о культурных связях коми и ненцев // Этнография и фольклор Коми. Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО АН СССР. — 1976. — Вып. 17. С. 116—118.

- Казакевич О.А. Языковое и этнокультурное взаимодействие в северной таежной зоне Западной и Центральной Сибири // Языковые союзы Евразии и этнокультурное взаимодействие (история и современность). Москва, 2005. С. 78-91.
- Казакевич О. А. Селькупско-эвенкийские языковые контакты от верховьев Кети и Тыма до Советских озер // Материалы 3-й Международной научной конференции по самодистике (Новосибирск, 26—28 октября 2010 г.) / Отв. редактор С. И. Буркова. Новосибирск, 2010. С. 107—115.
- Кузнецова А. И. Проблемы, связанные с родством культур уральских народов в различных регионах Евразии // Конференция «Языковые союзы Евразии». Москва, 14 — 16 ноября 2005 г. Тезисы докладов. М., 2005.
- Кузнецова А. И. Селькупы Туруханского района Красноярского края на рубеже II и III тысячелетий (социолингвистическая ситуация и языковые изменения). Воронеж, 2007.
- Онина С. В. Отраслевая лексика хантыйского языка: словарный состав, связанный с оленеводством. Йошкар-Ола, 2003.
- Сорвачева В. А. Ненецкие и хантыйские заимствования в говоре зауральских коми // Историко-филологический сборник. Вып. 6. Сыктывкар, 1960. С. 171—177.
- Туркин А. Коми-ненецкие языковые контакты // СФУ. — 1985 — Т. 21, № 3. С. 190—203.
- Grenoble L. Переключение кодов и изменения в языковой структуре // Вахтин Н. Б. (ред.) Языковые изменения в условиях языкового сдвига. СПб., 2007. С. 116-138.
- Grenoble L. Areal typology and syntactic change // Вестник ТГПУ, 1 (116), 2012. С. 101—105.
- Siegl F. More on possible Forest Enets-Ket contacts // Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics, 3-1, 2012. P. 327—341.
- Siegl F. Three Nganasan-Evenki/Dolgan Morphosyntactic Parallels and Their Implications // Linguistica Uralica, 51-4, 2015. P. 258—277.